

— Я же говорил, что не хочу яйцо, — сказал он и тут же вспомнил, что Ларри нет. Ларри на пляже, веселится с австралийцами.

Чтобы не сердиться, Митчелл закрыл глаза и несколько раз глубоко вдохнул. Через несколько вдохов у него начало звенеть в ушах. Он слушал этот звон, вдыхая и выдыхая, стараясь сосредоточиться на дыхании. Когда звон стал еще громче, Митчелл приподнялся на локте и поискал письмо, которое писал родителям. Последнее. Оно обнаружилось в Новом Завете, вложенное в Послание к ефесянам. Первая страница уже была испещрена буквами. Не перечитывая написанное ранее, он взял шариковую ручку, предусмотрительно воткнутую в бамбук, и начал: «Помните моего учителя английского, мистера Дадера? Когда я был в десятом классе, у него нашли рак поджелудочной. Оказалось, что он был последователем „Христианской науки“*. Мы и не знали. Он даже отказался от химии. И что же было дальше? Полная ремиссия».

Жестяная дверь сортира брякнула, и немка снова вышла на солнце. На полотенце — мокрое пятно. Митчелл отложил письмо и пополз к двери хижины. Высунув голову наружу, он ощутил, как там жарко. Блекло-голубое небо, словно на отретушированной открытке, океан — тоном темнее. Белый песок — словно отражатель для загара. Митчелл прищурился, чтобы разглядеть ковыляющий перед ним силуэт.

— Как вы?

Немка не отвечала, пока не добралась до полоски тени между хижинами. Она подняла ногу и поморщилась:

— Из меня выливается только коричневая водица.

— Все пройдет. Главное, ничего не ешьте.

— Я уже три дня ничего не ем.

* Христианская наука — околехристианское религиозное учение, основная идея которого — исцеление через веру.

— Надо заморить амеб голодом.

— Я, но, по-моему, это они хотят уморить меня.

На ней по-прежнему одно только полотенце, но это нагота больного человека. Митчелл ничего не чувствовал. Немка помахала рукой и двинулась дальше.

Когда она ушла, Митчелл заполз обратно в хижину и лег на коврик. Он взял ручку и записал: «Мохандас К. Ганди* спал в окружении своих внучатых племянниц, чтобы испытать данный им обет безбрачия — т. е. все святые непременно фанатики».

Он положил голову на шорты и закрыл глаза. Мгновение спустя в ушах снова зазвенело.

Через некоторое время пол хижины затрясся. Под головой Митчелла задрожал бамбук, и он сел. В дверном проеме, словно полная луна, возникло лицо его спутника. На Ларри были бирманская набедренная повязка и индийский шелковый шарф. Его грудь — неожиданно волосатая для такого паренька — была обнажена и обожжена солнцем, как и его лицо. Прошитый серебряными и золотыми нитями шарф драматически ниспадал с плеча. Ларри курил кривую травяную пахитоску и разглядывал Митчелла.

— Какие вести от диареи?

— Я в порядке.

— В порядке?

— Все нормально.

Ларри, казалось, был разочарован. Обожженная до красноты кожа у него на лбу сморщилась. Он протянул Митчеллу стеклянную бутылочку:

— Принес тебе таблеток. От дрисни.

* Мохандас — настоящее имя Махатмы Ганди, Махатма же — титул, означающий «великая душа»).

— От таблеток запор. И амебы остаются внутри.

— Мне их дала Гвендолин. Попробуй. Голодание бы уже сработало. Сколько ты уже не ешь? Неделю?

— Если тебя насильно кормят яйцами, это не голодание.

— Одно-единственное яичко, — отмахнулся Ларри.

— До него все было нормально. А теперь у меня болит живот.

— Ты же сказал, что в порядке.

— В порядке, в порядке, — произнес Митчелл, и его желудок вдруг ожил. Митчелл ощутил несколько бульков в нижней части живота, потом что-то зашипело, словно газировка в сифоне, после чего в кишечнике что-то уже знакомо сжалось. Он отвернул голову, закрыл глаза и снова начал глубоко дышать.

Ларри еще несколько раз затянулся и изрек:

— Что-то ты мне не нравишься.

— Ты накурился, — заметил Митчелл, не открывая глаз.

— Надо думать! — отвечивал Ларри. — Кстати, больше нет бумаги.

Он переступил через Митчелла, ворох законченных и незаконченных писем и крохотный Новый Завет и вошел в свою половину хижины, где присел на корточки и принялся рыться в сумке. Его сумка была сшита из мешковины всех цветов радуги. При каждом пересечении таможни ее тщательно обыскивали. На ней словно было написано: «Внутри наркотики!» Ларри нашел свой чилим*, снял чашечку и постучал об пол, чтобы вытряхнуть пепел.

— Только не на пол!

— Забей. Он же рассеется. — Он потер пепел пальцами. — Видишь? Чистота.

После этого Ларри сунул трубку в рот, чтобы проверить, тянет ли, и покосился на Митчелла.

* Чилим — курительная трубка.

— Как думаешь, ты уже скоро встанешь на ноги?

— Наверное.

— Мне кажется, нам придется вернуться в Бангкок. Ну, рано или поздно. Я хочу на Бали. А ты?

— А я хочу прийти в себя, — сказал Митчелл.

Ларри кивнул, словно удовлетворившись этим ответом. Он вытащил изо рта трубку и сунул на ее место биди*, после чего встал, сгорбившись, чтобы не задеть крышу, и устоялся на пол.

— Завтра будет почтовая лодка.

— Что?

— Почтовая лодка. Для писем твоих. — Ларри подвигал несколько листов ногой. — Хочешь, я их отправлю? А то тебе придется идти на пляж.

— Я сам. Завтра уже встану.

Ларри приподнял бровь, но промолчал, после чего двинулся к двери.

— Я оставлю таблетки, вдруг передумаешь.

Как только он ушел, Митчелл поднялся. Откладывать дальше было невозможно. Он надел набедренную повязку, вышел на крыльцо, прикрыв глаза, и на ощупь искал шлепанцы. Рядом был пляж. Шуршали волны. Он спустился по ступенькам и отправился в путь. Он не поднимал взгляд и видел только собственные ступни и песок. Следы немки были еще различимы среди мусора, коробок из-под растворимого кофе и скомканных салфеток из кухонной палатки. В воздухе пахло жареной рыбой. Есть не хотелось.

Туалет представлял собой хижину из гофрированного железа. Перед ним стояла ржавая бочка с водой и пластиковое ведро. Митчелл наполнил ведро водой и внес его внутрь. Прежде чем закрыть дверь, он тщательно разместил ступни на платформе по обе стороны дырки. Когда дверь

* Биди — тонкая азиатская сигарета-самокрутка.

закрылась, помещение погрузилось во мрак. Митчелл снял набедренную повязку и повесил ее на шею. Азиатские туалеты помогали тренировать гибкость: он теперь мог сидеть на корточках по десять минут кряду без малейшего труда. А запах он уже почти не замечал. Он придерживал дверь, чтобы никто не вломился.

Его все еще поражало, сколько же жидкости изливалось из него за раз, но это неизменно приносило облегчение. Он воображал, как амеб уносит этим потоком, как они покидают его тело. Дизентерия заставила его ближе познакомиться с собственными внутренностями: теперь он четко ощущал желудок, толстую кишку, всю эту гладкую мускульную канализацию. Жжение возникало в верхней части кишечника, после чего пробиралось по телу, словно проглоченное змеей яйцо, растягивая, раздвигая ткани. Потом оно с содроганиями опускалось, — и наружу вырывался поток жидкости.

На самом деле, он болел уже тринадцать дней. Сначала он ничего не говорил Ларри. Однажды утром Митчелл проснулся в бангкокском гостевом доме с каким-то странным ощущением в желудке. Поднявшись и выбравшись из-под москитной сетки, он почувствовал себя лучше. Тем же вечером, после ужина, начались какие-то странные подергивания — словно кто-то барабанил пальцами по стенкам желудка. На следующее утро начался понос. Поначалу казалось, что нет ничего страшного. Такое случалось и раньше, в Индии, и через несколько дней закончилось. Сейчас же все было иначе. Диарея усиливалась, и после каждого приема пищи Митчелл по несколько раз бегал в туалет. Вскоре он стал чувствовать усталость. Стоило подняться на ноги, начинала кружиться голова. После еды желудок так и горел. Но Митчелл продолжал путешествие. Ему казалось, что нет

ничего серьезного. Из Бангкока они с Ларри отправились на побережье, где сели на паром и уплыли на остров. Судно вошло в узкую бухточку и остановилось на мелководье — к берегу пришлось брести прямо по воде. Спрыгнув с борта, Митчелл вдруг что-то понял. Плеск моря словно бы отражал плеск у него в животе. Как только они устроились, Митчелл начал голодать. Он уже неделю питался одним лишь черным чаем и выходил из хижины только в туалет. Как-то раз по пути он повстречал немку и убедил ее тоже начать голодать. Все остальное время он лежал на матрасе, думал и писал письма домой: «Привет вам из рая! Мы с Ларри сейчас живем на тропическом острове в Сиамском заливе (посмотрите на карте). У нас отдельная хижина прямо на пляже — за эту роскошь пришлось отвалить аж пять долларов за ночь. Этот остров еще не открыли, поэтому тут почти никого нет». Он еще некоторое время описывал остров (по крайней мере, то, что удалось разглядеть между бамбуковыми рейками), после чего перешел к более важным темам: «Восточные религии учат нас, что все материальное — иллюзорно. Это касается абсолютно всего: нашего дома, папиных костюмов, даже маминых подвесов для цветочных горшков. Согласно буддизму, все это майя*. Разумеется, то же относится и к телу. Я отправился в это путешествие еще и потому, что наша детройтская система ценностей несколько заострена. И за это время я кое во что поверил. И кое-что проверил. Например, можно ли управлять организмом с помощью сознания. В Тибете есть монахи, которые научились контролировать физиологию с помощью разума. У них даже есть игра „растопи снежок“. Они кладут снежок на ладонь и медитируют, посылая в нее весь жар тела. Кто первый растопит свой снежок, тот и выиграл».

* Майя в буддизме и индуизме — это иллюзия, скрывающая истинную природу вещей.